

Научная статья
УДК 008+327
DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_150

Особенности в становлении русской и латиноамериканской цивилизационной идентичности

А. И. Емельянов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anton.politolog@yandex.ru*

- Аннотация.** В статье автор рассматривает специфику становления и особенности развития русской и латиноамериканской цивилизационной идентичности и приходит к выводу, что в ходе исторического процесса у обеих цивилизаций образовались как отличительные, так и схожие черты. И русская, и латиноамериканская цивилизации могут принадлежать к так называемым «пограничным типам цивилизации», что обусловило в определенных сферах их схожее историческое развитие и дальнейшую судьбу.
- Ключевые слова:** классическая цивилизация, пограничная цивилизация, русская идентичность, субэкумен, латиноамериканская идентичность, цивилизация
- Для цитирования:** Емельянов А. И. Особенности в становлении русской и латиноамериканской цивилизационной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 150–154. DOI 10.52070/2542-2197_2023_8_876_150

Original article

Key Features in the Formation of Russian and Latin American Civilizational Identity

Anton I. Emelianov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
anton.politolog @yandex.ru*

- Abstract.** In the article, the author examines the specifics of the formation and development of the Russian and Latin American civilizational identity. After the conducted research, the author comes to the conclusion that in the course of the historical process, both distinctive and similar features were formed in both civilizations. Both civilizations, both Russian and Latin American, may belong to the so-called “borderline types of civilization”, which caused them in certain areas to have similar historical development and future fate.
- Keywords:** classical civilization, frontier civilization, Russian identity, subecumen, Latin American identity, civilization
- For citation:** Emelianov, A. I. (2023). Key Features in the Formation of Russian and Latin American Civilizational Identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8 (876), 150–154. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_150

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время всё большую популярность приобретают мнения о том, что государства перестают быть доминирующими акторами в мировой политике и на их место приходят совершенно новые по типу и сущности субъекты – цивилизации. Существует вероятность, что именно от них будут зависеть политическая и геополитическая ситуация в мире, так как они объединяют множество социокультурных групп, включающих целые нации. Если одна из них, например, англосаксонская, объединяется с целью доминирования, то другие, такие как российская, латиноамериканская, объединяются каждая внутри своих массивов, несмотря на лингвистические и культурные различия. В случае возобладания в мире цивилизационной тенденции, вполне вероятно изменение норм международных отношений и международного права, а стало быть, и гегемонии одних стран над другими.

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В отличие от традиционного понимания цивилизации как высшей культурной точки развития человечества укрепляются позиции сторонников понимания цивилизаций как предельно широкой социокультурной общности, существующей в определенных пространственно-временных координатах. Характеризуя современные цивилизации, А. Тойнби писал, что цивилизация – это «образование более широкое, чем нация, но менее широкое, чем всё человечество» [Тойнби, 2021, с. 17].

В отличие от традиционного понимания цивилизационного мироустройства, укрепляются позиции сторонников пограничности мировых цивилизаций. Их мнения зиждутся на том, что столкновение западной и восточных цивилизационных центров мирового развития привело к появлению дихотомии Запад – Восток, на периферии которой сформировались пограничные цивилизации России и Латинской Америки. Они впитали в себя различные установки этих тысячелетних цивилизаций, которые успешно укрепились на базе собственных культурных и духовных ценностей. Великие же цивилизации Востока и Запада, которые, несмотря на свою неоднородность, обладают схожими чертами, сближающими их на геополитической карте мира, обладают определенной целостностью и консервируются в виде социокультурных макрообщностей. Известный отечественный исследователь Г. С. Померанц выделил на базе этих макрообщностей ряд «субэкумен»: западно-христианскую, южно-азиатскую индо-буддистскую,

исламскую [Померанц, 2020, с. 10 – 12]. В результате синтеза и непрерывного взаимодействия как внутри этих субэкумен, так и на грани соприкосновения Востока с Западом, оформились традиционные для нас духовные исторические целостности, схожие по мировоззренческому компоненту и подходу к онтологическим проблемам.

Подобные «классические» цивилизации имеют ряд отличий от «пограничных» цивилизаций, оформившихся на периферии мирового политического процесса. Воздействие на них шло сразу с нескольких сторон. Например, в результате подобного воздействия формировались цивилизации многополярного типа, которые подразумевали наличие на общем цивилизационном фундаменте ряда качественно различных частей. Хотя подобные конструкции могут показаться неустойчивыми, история демонстрирует, что их приспособляемость, сформировавшаяся в результате непрерывного воздействия, создала иммунитет к негативной центробежной реакции на влияние других цивилизаций. В ряде случаев, наоборот, закаленность пограничных цивилизаций от влияния извне помогает стать основой центростремительных тенденций, лежащих в основе институционализации в рамках совокупностей государств. В настоящее время отчетливо выделяется ряд подобных цивилизаций: иберо-европейская, балканская, российско-евразийская и латиноамериканская.

Таким образом, на территории пограничных субэкумен происходили процессы симбиоза и синтеза, взаимодействия и противостояния основных типов межцивилизационного воздействия. На этой основе выработались герменевтические барьеры, которыми, в частности, можно охарактеризовать границы русского мира, которые продолжают существовать, несмотря на их противоречивость государственным границам [Сен, 1984]. При этом не формируются новые качества цивилизационной общности, не видоизменяются самоидентификация и самоидентичность, создается четкая шкала «свой–чужой», которая оформляет чужеродные элементы и старается либо поглотить их, либо отвергнуть. Подобный механизм является ничем иным, как внутренним механизмом функционирования цивилизационной системы. Подобный механизм ведет к тому, что у России как представительницы пограничной цивилизации выработана функция по калибровке ростков чужеродных цивилизаций по отношению к своей цивилизационной матрице. Подобная трактовка справедлива и в отношении Латинской Америки [Шемякин, 2001].

Подобная роль пограничных цивилизаций в мировом масштабе подразумевает глобальную значимость как российской, так и латиноамериканской цивилизации. Несмотря на близость Латинской Америки к иберийской Европе, существует ряд черт, сближающих именно наши цивилизации. Во-первых, это значимость природного фактора цивилизаций пограничного типа, исходящая из него слабая способность формирования инновационных элементов, ведущая к пограничности между цивилизацией и варварством (в западном понимании). В условиях пограничных цивилизаций очевидно преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума культуры. Постоянно возникает отсеивание нового через нормы бытия человека и общества. Обе эти пограничные цивилизации сложились и формировались в условиях противостояния глобализации, ставящей своей целью преимущество человека над природой.

В результате можно выделить антиномичность, т. е. противоречивое столкновение полярностей бытия. При попытках включения наших цивилизаций в фарватер развития западной цивилизации происходило столкновение подходов к решению экзистенциальных проблем и ведущее за этим желание высвободиться и абстрагироваться от негативных внешних факторов цивилизационного воздействия. Существующая амбивалентность, т. е. одинаково выраженная направленность одновременно в противоположные, взаимоисключающие стороны, стала одной из определяющих характеристик цивилизационного пограничья [Октавио Пас, 2001].

В то же время доминирование одной из позиций в рамках пограничных цивилизаций весьма условно, т. к. они строятся на базе врожденных противоположностей, которые, с одной стороны, создают условия для расшатывания всей структуры, с другой – создают систему сдержек и противовесов, которая порождает устойчивость этой аморфной структуры. Характерным примером сего можно привести Византию, которая, по словам исследователя С. С. Аверинцева, имела черты пограничья, существуя на границе Востока и Запада. В этом государстве «существовало единство противоположностей, дополняющих друг друга в рамках системы и гарантирующих равновесие своим взаимоупором» [Культура Византии..., 1997, с. 252]. Таким образом, балансирование на грани распада и постоянного желания в укрупнении пространства субэкумены порождает вектор развития, который, в свою очередь, порождает устойчивость в развитии как государства, так и цивилизации.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В российской цивилизации таким образом не раз формировались линии раскола, которые можно выразить в следующих периодах. Во-первых, противостояние славянофилов и западников, которое отразило столкновение различных ценностей западного толка, привязанных России Петром I и традиций Московской Руси, идентифицировавших большую часть населения России. Во-вторых, имел место раскол на базе распространения православия и сохранения языческих мифологических корней, некоторые из которых были в дальнейшем переплетены с канонами православной церкви, что придавало определенные черты русскому православию. В-третьих, стоит отметить столкновение никонианцев со старообрядцами, которое носило более социально-политический, нежели духовный характер. В-четвертых, это обилие вероисповедования на территории России.

В условиях подобных разнородностей должна быть единая линия восприятия действительности, которая создает базис для защиты национальных интересов государства. Должна быть какая-то общая ценность и основа, например, защита государства, своей земли. На западе – родина представляет собой место, где человек пребывает в безопасности и достатке, несмотря на прокламации политиков и общественных деятелей, у них отсутствует сильное чувство тоски по родине за рубежом. Особо стоит отметить отсутствие патернализма и этатизма в их цивилизационном коде, который ставит во главу угла индивидуализм. Это может быть объяснимо тем, что пространство российской территории не поддается контролю [Шемакин, 2001; Данилевский, 1991].

Связь между всеми системами является слабой ввиду наличия противоречий внутри российской цивилизации, поэтому стал необходим компенсаторский механизм, который выражается в механизме противовеса групп граждан, рассматривающих государство высшей ценностью, придающих ему важнейшую роль в централизации государства и выработке единообразных традиций и свойств российской цивилизации. Вторая группа формировалась из числа желающих ограничить проникновение государства во все сферы жизнедеятельности общества. Если задача первых – поддержание и укрепление институтов государственной власти, то вторых – использование воли для единения государства без привлечения центральной власти и ограничения принуждения. Это нельзя назвать простой тенденцией или движением в определенный период истории. Достаточно вспомнить общины казаков, староверов, анархистов, крестьянских

коммун. Всё это является доказательством конгруэнтности национальных традиций и признаков российских цивилизационных парадигм, так как во всех вышеуказанных образованиях существовали институциональные формы, которые имели все перспективы развиваться в нечто большее.

В то же время существует другая крайность, которая выражается в резервах авторитарности русского общества. В критические моменты истории в обществе всегда находится группа, которая инициирует и ведет с особым пристрастием деятельность по обнаружению внутреннего и внешнего врага, изысканию всё новых мобилизационных возможностей нашего государства.

Примером существования всех вышеуказанных процессов является революция 1917 года, когда все течения смогли вырваться наружу. Россия в тот период истории оказалась наполнена «акварелью» разнообразных движений, базировавшихся на принципах воли.

Связь между подсистемами в российской цивилизации гораздо слабее, чем, например, в западной, где каждая часть общества преследует свои интересы и стремится сохранить тот строй, который будет максимально способствовать сохранению площадок для дискуссий элит, делящих сферы влияния как внутри государств, так и за пределами таковых. Подобная унификаторская функция всех мировых цивилизаций отсутствует у нашей цивилизации (и латиноамериканской). Если изучить нашу многовековую историю, то можно обнаружить, что тенденции по унификации всех сфер общества ни к чему не приводили. Это очевидно из-за принципа противовеса, который был заложен в нашей цивилизационной парадигме, начиная с эпохи монголо-татарского нашествия, когда формируемая славянская цивилизация впервые начала принимать в свою семью представителей новых народов. Как раз этот барьер многообразия, заключающийся в большом количестве наций, существующих внутри российской цивилизации, объясняет невозможность преодоления того или иного барьера нашего общества. Барьеры в свою очередь формировались, укреплялись автономиями человеческого сознания разных народов, социальных групп и религиозных течений [Шемякин, 2001].

Также важно помнить о желании народов самосохраниться. Это является базовым желанием любой группы, существующей в рамках цивилизации. Так, согласно пирамиде Маслоу, первоочередным

требованием живого индивида является желание находиться в безопасности, а для общества в рамках цивилизационного противоборства это заключается в желании сохранить себя (затем закрепиться, преувеличить, распространиться, далее идет тенденция к распаду, затем к собиранию, из чего образуется замкнутый круг. Из него можно выйти, если попытаться изменить матрицу народа.

Столкновение плюрализма и роста бюрократии формируют новую систему сдержек и противовесов. Давление запада и желание независимости, победа капитализма, с другой стороны – уравнивание, желание справедливости, нежелание принимать решения, неприязнь индивидуализма. Происходит столкновение власти и собственности, в особенно собственности западного типа.

В цивилизациях «классического» типа главная важная функция социальных институтов – обеспечить организационное закрепление в социальной жизни и практике определенной совокупности ценностных ориентаций, на базе того или иного подхода к решению определенных экзистенциальных проблем. В пограничных же цивилизациях по мере развертывания процессов взаимодействия качественно различных культурных традиций социальные институты приобретают и иную функцию – обеспечения организационных рамок благоприятного соседства различных точек зрения. При интенсификации взаимодействия или внешнего негативного цивилизационного воздействия классических цивилизаций происходит усиление этой функции, чтобы гармонизировать среду внутри цивилизации и подготовить ее для мобилизации. Последнее подразумевается при наличии угрозы для пограничной цивилизации.

После исчезновения СССР прерванный процесс возобновился вновь. Часть населения (большая) переняла принципы дореволюционного царского строя, когда существовал триумvirат (царь, народ, церковь), а предприниматели переняли принципы предпринимательства. Третья сила (государство) начало в последнее время выступать (в особенности институт президента) за сохранение финансов в стране, способствовать вложению денежных средств в экономику страны.

Во всем этом выражается парадокс пограничных цивилизаций – одновременное стремление к максимальной открытости миру и ревностной защите собственной самобытности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Академический проект, 2021.
2. Померанц Г. С. Выход из транса. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.

3. Сеа Л. Философия американской истории / пер. с исп. Ю. Н. Гирина. М.: Прогресс, 1984.
4. Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.
5. Октавио Пас. Избранное / сост. В. Резник. М.: Терра – книжный клуб, 2001.
6. Культура Византии IV – первая половина VII в. / под ред. У. В. Удальцова. М.: Наука, 1997.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

REFERENCES

1. Tojnbi, A. (2021). Postizhenie istorii = Comprehension of history. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
2. Pomeranc, G. S. (2020). Vyhod iz transa = Coming out of a trance. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ. (In Russ.)
3. Sea, L. (1984). Filosofiya amerikanskoy istorii = Philosophy of American History. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Shemyakin, Ya. G. (2001). Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii = Europe and Latin America: Interaction of civilizations in the context of world history. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Oktavio, Pas. (2001). Izbrannoe = Selected works. Moscow: Terra – knizhnyj klub. (In Russ.)
6. Udal'cov, U. V. (ed.). (1997). Kul'tura Vizantii IV – pervaya polovina VII v. = The culture of Byzantium the 4th – the first half of the 7th century. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Danilevskij, N. Ya. (1991). Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moscow: Kniga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянов Антон Игоревич

кандидат политических наук, доцент
заведующий кафедрой зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emelianov Anton Igorevich

PhD (Political Science), Associate Professor
Head of the Department of Foreign Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	17.05.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	21.06.2023	
	22.06.2023	